

ПРОБЛЕМА ДИСТАНЦИИ ПРИ ОПИСАНИИ СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ

В.П. Макаренко

*Заслуженный деятель науки РФ,
академик Академии педагогических наук Украины,
доктор политических и философских наук, профессор,
Южный федеральный университет*

На протяжении 1990-х гг. кризис стал нормой социальной жизни России. В начале перестройки властвующая клика СССР выдвинула идею: соединить советский социализм с российским капитализмом. Эта задача выполнена. Бюрократия осталась у власти. Восстановлена «табель о рангах», отстроены новые «дворянские гнезда», спецателье и спецтранспорт: «Раньше жили по принципу «социализм для народа, капитализм – для элиты», а теперь наоборот – «капитализм для народа, социализм для элиты»... Но суть та же: властью ни с кем не делиться, льготы – себе увеличить, а другим – отменить» [8, с. 7].

Сегодня в стране воспроизводится российско-советское прошлое: связь власти-собственности и появление новых экономических и политических групп на основе ее передела; всевластие бюрократии; социальная несправедливость; безразличие власти к правам человека; сохранение веры в зависимость социальной жизни от решений начальства; выдвижение на политическую сцену представителей силовых структур (армия, МВД, ФСБ, МЧС); стремление создать новую государственную идеологию для легитимизации власти. Реанимировано старое убеждение: Россия шла, идет и будет идти своим особым евроазиатским путем развития.

На протяжении 1990-х гг. в духовной ситуации обозначилось несколько тенденций: заимствование западных концепций; воспроизводство учений и доктрин из политического и духовного прошлого страны; поиски религиозной и национальной идеи. Книжные лотки и научные журналы переполнены писаниной на эти темы. Но в этой продукции не обсуждается проблема уголовной, моральной, политической и метафизической вины поколений, социально-демографических групп, государственных и политических институтов за функционирование советской системы. Между тем эта проблема поставлена К.Ясперсом

после крушения фашизма [15], а я подчеркнул ее значимость для постсоветских стран в начале 1990-х гг. [10].

Уголовная виновность состоит в нарушении правил человеческого общежития и существующих законов. Политическая - в ответственности каждого человека за преступления политического режима, при котором этот человек существовал. Моральная вина содержится в поддержке такого режима. Вина метафизическая вытекает из бездействия человека, когда рядом творятся преступления. Без анализа указанных видов вины всех поколений и институтов социальной и политической истории СССР/России невозможно культивировать юридическую, политическую, моральную, познавательную и метафизическую *дистанцию* в отношении прошлого и настоящего страны.

Проблема возраста жабы

На этом пути стоит множество стереотипов, которые присущи не только отечественным, но и зарубежным ученым. Например, Д.Биллингтон считается знатоком России. Его старая книга (написанная еще в 1960-е гг.) «Икона и топор» с сорокалетним запозданием переведена на русский язык и появилась на книжном рынке. Недавно он издал новую книгу для подтверждения ветхозаветного убеждения: Россию одновременно толкают вперед и рвут на части глубинные психологические и культурные силы, которые проявляются на острых поворотах истории; эти силы лучше описываются методами художественного творчества, нежели социальных наук [1; 2].

Однако американский россиевед неправ. Искусство невозможно без дистанции в отношении объекта. Религиозно-бунтарский характер русского человека не подтверждается конкретными исследованиями [см., к примеру: 9, с. 96-97].

Конечно, социальные науки целиком не освободились от метафор и других средств художественного изображения действительности. И хотя нельзя утверждать, что эти науки развиваются по канонам литературы и искусства, стремление очаровать читателя и слушателя здесь выражено достаточно сильно. Поэтому трудно культивировать политическую и моральную дистанцию в отношении к России. Средства массового оглушения (так А.Бовин предлагает называть российские средства информации, я с ним согласен и впредь буду использовать эту аббревиатуру вместо СМИ) переполнены рассуждениями на тему о *предназначении, призвании, судьбе* России. Этот жаргон заимствуется социальными науками. Аналитическая традиция практически не сложилась в интеллектуальной культуре России ни до, ни после 1917 года. Поэтому трудно провести различие между познанием и кликушеством.

Постоянное и навязчивое обсуждение в СМО российских тем и сюжетов - следствие не реализованных политических амбиций. Современная духовная ситуация в России - это внутренний информационный и когнитивный империализм. Правда, Россия здесь не исключение.

Для пояснения приведу пример. Во второй мировой войне Италия была вначале оккупирована Германией, затем – США. После высадки американский летчик ввязался в спор со стариком-итальянцем. Янки доказывал: Америка – самая могущественная и процветающая страна в мире, а ее армия – непобедима; США будут жить вечно или очень долго. Старик считал: выиграет Италия, поскольку она хиреющая страна, а ее вооруженные силы давно обходятся без кровопролитных побед. Поэтому итальянские солдаты больше не гибнут. Погибли все великие державы – Рим, Греция, Персия, Испания. Италия обычно проигрывала войны – и всегда жила припеваючи. Франция побеждала – и все время барахталась в кризисах. Земля от взрыва Солнца погибнет через 25 миллионов лет. А жаба существует на земле 500 миллионов лет. «Можете вы утверждать, - спрашивает старик у летчика, - что ваша Америка, со всем ее процветанием и могуществом, с непобедимыми вооруженными силами и самым высоким в мире уровнем жизни, просуществует так же долго, как жаба?» [14, с. 239]. До жабы Америке не дотянуть.

Летчик озадачен: родина – не ерундовина, за нее надо умереть. Старик отвечает: родина – это участок земли, окруженный со всех сторон искусственными границами. В войне дерутся 50 или 60 стран, и каждая для кого-то родина. Неужто они стоят того, чтобы за них умирать? Летчик вещает: нельзя быть перебежчиком, оборотнем, приспособленцем, ренегатом. Старик руководствуется практической философией: был фашистом, когда у власти стоял Муссолини; стал антифашистом, когда того свергли; был настроен прогермански, когда Германия защищала от Америки; стал проамериканцем, едва американцы пришли в Италию, чтобы защитить от немцев; но когда вступали немцы, бросал им навстречу эдельвейсы и выбил глаз немецкому обер-лейтенанту черенком цветка; когда пришли американцы – цветком выбил глаз американскому майору.

Отсюда вытекают кардинальные вопросы: кого вчера и сегодня в России было больше – летчиков или автохтонных мудрецов? и кому должны были выбить глаз мудрецы – своим или чужим оккупантам? Такой статистики я не встречал. Поэтому напомним: в мире существует около 240 государств. Каждое из них вслед за США претендует на возраст жабы. Стремится придать как можно большее значение своей собственной истории (реальной или воображаемой) и текущей конъюнктуре. Во всяком случае, я не слышал о таких национальных системах образования и информации, которые придают истории, событиям и процессам своей страны только 1/240 часть времени и ресурсов педагогической, научной и журналистской деятельности, а остальное время распределяют между остальными странами. По крайней мере, трансляция по телевидению перипетий выборов в США или России несколько не интереснее процессов, происходящих нынче в Монголии или на островах Зеленого Мыса. Но о них ничего не слышно в отечественных СМИ. Поэтому традиционные и новые формы неравенства и монополии в этой сфере могут составить предмет особого исследования. Иначе говоря, история и современный этап развития России ни-

сколько не интереснее истории и современных этапов развития всех других стран.

Россия, а затем СССР на протяжении большей части своей истории претендовала на возраст жабы. Хотела господствовать в Европе и в мире. Поэтому со времени поражения в Крымской войне до поражения в холодной войне споры о прошлом, настоящем и будущем России не выходили за рамки альтернативы «самостоятельность - заимствование внешних образцов развития». Но эта альтернатива не является специфически российской. Она типична для большинства обществ, в которых происходит социальные изменения. И в современной России тоже господствуют идеологемы, обосновывающие выбор или комбинацию членов указанной альтернативы. Три поколения российской эмиграции почти не вышли за эти рамки. Поэтому более сотни лет духовная ситуация в России скучна и уныла.

Существуют ли концепции, позволяющие отбросить саму альтернативу и осуществить анатомирование исторических, социальных, политических и духовных процессов России на протяжении всего времени ее существования? Более полувека США выступали главным противником СССР. Американские советологи набирались опыта у русских меньшевиков-эмигрантов и детально изучали Россию. Поэтому сузим вопрос: разработали ли американские эпигоны русских меньшевиков методы и концепции, позволяющие культивировать познавательную, эстетическую, моральную и политическую дистанцию в отношении России/СССР как объекта исследования?

Советологические схемы

После второй мировой войны советология претендовала на ранг главной дисциплины при познании России/СССР. Советология не смогла предвидеть падение советской системы, но пока не рухнула вместе с нею. Теперь бывшие советологи заняты самооправданием, пишут о собственных «заслугах, достижениях и успехах», надеются на «постсоветологию», включая в нее «россиеведение» [3]. Оправдана ли надежда? Частично на вопрос ответил М.Малия [12; 13]. Вначале приведу его главные выводы.

Существование советологии связано с периодом «холодной войны». На протяжении этого времени в советологии господствовал метод бихевиоризма, а структура включала политическую экономию, политическую науку, социологию и историографию. Главная тенденция этих дисциплин в течение последних сорока лет - замена тоталитарной модели теорией модернизации при исследовании СССР и других государств восточного блока.

Модель тоталитаризма рассматривает советскую систему как продукт идеологии и политической воли, фиксирует подобия социализма, нацизма, фашизма, и отличия данных систем от западных демократий. Теория модернизации стала популярной в 1960-е гг. Она объясняла советскую систему как частный случай общих модернизационных процессов. После 1960-х гг. появились

«универсалистские» теории модернизации, теории «отсталости», «зависимого» и «догоняющего развития», «сверхмодернизации», «контрмодернизации» и т.п. Общий итог данных теорий однозначен: различие советской системы и западных демократий - количественное, а не качественное.

В политической экономии существовало несколько версий объяснения сущности советской системы: замена рынка плановым хозяйством в принципе невозможна, только рынок может решить проблемы распределения средств и расходов капитала в процессе производства (Л.фон Мизес); советская экономика функционирует успешно, поскольку сталинские пятилетки превратили СССР в индустриально развитую страну (М.Добб и др.); советское планирование ошибочно, но при умелом соединении национализированной собственности с рынком получится настоящий социализм (О.Ланге).

Эти оценки высказывались западными учеными и социалистами. Между тем советский экономист И.Бирман знал на практике советскую экономику и его оценка была однозначной: вся система планового хозяйства - дорогостоящий провал, а западные экономисты и политики показывают общественному мнению ложный образ советского социализма. Однако научно-политический истеблишмент Запада пренебрег этой констатацией.

С середины 1960-х гг. западная экономическая теория испытывает влияние теории модернизации. Это проявляется в использовании модели валового национального продукта (ВНП) при исследовании СССР. Но ВНП - не реальный факт, а интеллектуальная конструкция (система измерений), которая не имеет смысла без определенных теоретических посылок. Основанием модели ВНП являются западный опыт и данные. Параметры советской экономики не соответствуют западным моделям измерений. Однако модель ВНП применялась в отношении СССР и дала апологетические результаты: вплоть до распада СССР в западной экономической теории господствовала оптимистическая оценка советских успехов. Считалось, что ВНП СССР образует около 60% ВНП США. Эту цифру популяризировали известные экономисты и социологи (В.Леонтьев, Д.Гелбрейт и др.). Она повлияла также на оценки ЦРУ, которые использовали ее для доказательства «советской угрозы».

ЦРУ переносило на советскую действительность экономические отношения, характерные для США. Но количественные показатели советской военной угрозы ЦРУ представляло различно, в зависимости от политических пристрастий авторов и должностных лиц. Американские аналитики завышали данные о военном потенциале СССР в целях запугивания, получения дополнительных средств из бюджета на военные приготовления. Советское руководство тоже стало применять тактику запугивания после успешного испытания МКР во второй половине 1950-х гг. Одновременно под прикрытием частичной демилитаризации (сокращение армии и флота, снижение общих военных расходов) Н.С. - Хрущев нашел средства для производства ракет. В результате размеры советских расходов на оборону были преувеличены на 50%. Оценка ЦРУ советского

военного потенциала зависела от колебаний политического курса. Кроме того, ЦРУ давало обтекаемые и многовариантные выводы для подстраховки на случай любого развития событий [4].

Аналогично поступал КГБ и советский Генштаб при оценке американской угрозы. Сегодня сами военные доказывают, что суть советской экономики сводится к милитаризации на основе доктрины «военного социализма» немецких генералов Людендорфа и Ратенау. Эти концепции заимствовал Ленин и внедряли в жизнь все поколения советских руководителей. Данные концепции (включая модель ВВП) до сих пор используются при выработке программ экономических преобразований и военной реформы в России [6].

В политических науках США и других стран Запада спор шел о модели тоталитаризма. Модель Х.Арендт кардинально отличалась от модели К.Фридриха-З.Бжезинского. Социополитический контекст спора определялся рядом обстоятельств: в 1960-е гг. левые силы в ведущих странах Запада возвращались к власти; в отношениях двух сверхдержав наступила патовая ситуация; большинство западных ученых и политиков считало, что после смерти Сталина наступило «смягчение» советской системы, хотя она оставалась постоянной силой в международных отношениях.

В этот период политологи начали использовать теорию модернизации для объяснения специфики советской системы. Политико-идеологические факторы рассматривались как производные от экономики, а не детерминирующие ее (как постулировали сторонники тоталитарной модели). В 1970-е гг. такой подход породил обширную литературу. Развивалась «кремленология» (трактовка политической истории СССР как борьбы на вершине власти), квалификация советской политической системы как неотрадиционализма (в веберовском смысле слова), теория корпоративизма, трактовка позднего социализма как «авторитаризма эпохи благосостояния» и т.п.

Во всех случаях при описании СССР использовались следующие схемы:

Отожествление социальной динамики и политической модернизации. Примером могут служить работы Р.Ловенталя, связавшего тоталитарную модель с теорией модернизации. Последняя заимствовалась из структурного функционализма Т.Парсонса и использовалась в отношении к отсталым (традиционным) обществам. Советская система рассматривалась как особая форма модернизации, которая осуществлялась под влиянием идеологической политики. Эта политика привела к непредвиденным последствиям, и потому при Хрущеве идеологические цели уступили место экономическим интересам. На этом основании Р.Ловенталь сформулировал вывод: советская модель экономической модернизации может измеряться ростом ВВП и служить образцом для стран Третьего Мира. А поскольку развитие экономики - главная тенденция современности, постольку СССР двинулся по пути конвергенции с высокоразвитыми странами Запада. Тем самым советская система подгонялась под универсальную модель прогресса.

Объяснение политической системы СССР как варианта авторитаризма.

После смерти Сталина советская система преобразовалась из тоталитарной в авторитарную, способна к реформированию и принципиально отличается от фашизма. Иначе говоря, количественное ослабление террора отождествлялось с качественной трансформацией системы. На этой основе формулировался вывод: реформированный социализм может эволюционировать в направлении демократии без радикального слома системы.

Постулирование элементов плюрализма в социальной и политической структуре СССР. Предполагалось, что в СССР существует развивающийся авторитаризм. Поэтому способ его политического функционирования есть институциональный плюрализм, производный от групповых интересов. В советском обществе выделялось несколько групп - партийный аппарат, КГБ, армия, хозяйственные руководители, экономисты, писатели, юристы. Эти группы создают альянсы, свидетельствующие о движении СССР к институциональному плюрализму, который отражается в социальной структуре.

Нетрудно убедиться, что все указанные схемы смешивают философско-исторические концепции с социологическими и политическими критериями. Например, проблемы ложности категории интереса, а также фундаментальных различий генезиса групп и групповых интересов в советском и западных обществах не ставилась вообще или считалась второстепенной [11]. Однако эти проблемы практически не обсуждаются и в современной отечественной политологии, хотя заимствуются все указанные схемы.

Догмы политической экономии и политологии воспринимались и укреплялись в американской социологии. Она тоже рассматривает советский опыт как модификацию универсальных социальных процессов. Структурный функционализм и эмпирическая социология начали использоваться при исследовании советского общества. Наиболее яркий пример - коллективный труд «Как работает советская система», изданный в 1956 г. Центром Российских исследований Гарвардского университета. В этой работе американские социологи использовали теорию модернизации для критики тоталитарной модели и формулировки вывода: советские структуры власти и управления функционируют *рационально* и потому СССР - социальная система, а не политический режим. Эта книга распространялась «Для служебного пользования» среди аппарата ЦК КПСС, и сыграла роль в обосновании советской социологии.

В 1960-е гг. Т.Скочпол и Б.Мур соединили теорию модернизации с ревизией марксистского классового анализа. Исходный пункт их концепции - идея Сен-Симона: переход от традиционного к индустриальному обществу – главная нить современной истории. Переход идет по-разному в различных странах и зависит от доминирующего класса в революции, направленной против старого режима. В Англии, Франции и США во главе революции стояла буржуазия; в результате появились деформированный капитализм и демократия. В Германии и Японии капитализм установлен аристократией, которая осуществила *револю-*

цию сверху; в результате возник фашизм. В России и Китае старый порядок был разрушен крестьянством; в результате возник политический режим, который начал осуществлять модернизацию деспотическими методами. «Крестьянские революции» привели к «воспроизводству» государства в форме новой «бюрократии развития».

Я не буду задерживаться на связи данной концепции с идеями Л.Троцкого, но подчеркну: понятие «бюрократии» в ней используется в нормативном (рациональный способ управления), а не теоретическом смысле.

Аналогичные процессы объяснения истории советского общества происходили в западной историографии. В ее либеральной и консервативной версии принцип хронологически-событийного отражения истории советского общества тоже связан с переходом от тоталитарной модели к теории модернизации. В итоге историография начала подчеркивать процессы «нормализации» советской власти. Л.Шапиро, Э.Карр, И.Дейчер и др. развивали тоталитарную модель, которую поставил под сомнение Л.Хеймсон. Он считал, что Октябрьская революция возникла из двойной поляризации российской жизни: между государством и обществом; между рабочими и буржуазией. Октябрь был не случайностью (как утверждала либерально-консервативная историография), а закономерностью социального развития России. Советская система эволюционирует в направлении социальной демократии.

Реабилитация этой системы прошла несколько стадий. Если суммировать результаты, возникает следующий образ: Октябрьская революция - это действительная пролетарская революция, а не государственный переворот; советская власть с самого начала была легитимной; партия большевиков была открытой демократической организацией, связанной с радикализмом масс, а не с тоталитарной партией «нового типа»; действительным достижением Октябрьской революции был НЭП, а не военный коммунизм; советская система дрейфовала в направлении «мягкого сталинизма»; началом такого дрейфа были советские «выдвиженцы» 1920-1930-гг.; они привели к смене политического курса после смерти Сталина и благоприятствовали стабилизации советской системы; коллективизация - продукт стремления трудящихся масс к построению социализма, а сталинские чистки и террор - результат борьбы «центра» за контроль над анархической «периферией»; число жертв не может быть предметом научных исследований, поскольку официальные советские источники об этом не упоминают.

Таким образом, под пером историков-советологов каждой фазе развития советской системы приписывалась целесообразность. А процесс в целом рассматривался как история «достижений и успехов» и доказательство способности советской системы к самореформированию.

Перед началом *перестройки* советология использовала модель модернизации, классифицировала все советское прошлое и позитивно оценила советскую систему в сфере экономики, социальной структуры и политики. Согласно такой

оценке, советская власть осуществила модернизацию советского общества и создала развитую урбанизированную сверхдержаву. Она созрела для либеральных реформ, которые преобразуют Россию в «современное» общество. Несмотря на все кошмары советской истории, власть создала потенциал модернизации. Поэтому переход СССР к демократии может быть эволюционным, а не революционным процессом.

На пути к запоздалой проверке

Итак, американские и прочие эпигоны русских меньшевиков в сфере политической экономии, политической науки, социологии и историографии воспроизводят стереотипы советской политики, идеологии и пропаганды на разных этапах существования СССР. В этом смысле создание кафедр социологии, политологии и культурологии (вместо кафедр истории КПСС, теории и истории коммунистического воспитания, теории партийного и советского строительства, научного коммунизма, диалектического и исторического материализма) в вузах России завершило процесс внутренней и внешней апологетики. Указанные концепции вошли в постсоветские учебники и заполнили книжный рынок России.

Система советологических иллюзий начала интенсивно пропагандироваться в СССР в период «перестройки». Даже ее крах не разрушил эти схемы, хотя ни одна из них не репрезентативна при анализе социально-исторического развития России. И не может служить для выработки дистанции в отношении социальных и политических процессов в России XX в. Однако эти схемы в настоящее время широко распространены в общественном сознании и социальных науках России.

Теперь я хочу дополнить выводы М.Малия. Общая ахиллесова пята всех универсалистских теорий модернизации - необходимость такой классификации обществ, социальных систем и цивилизаций, которая удовлетворяла бы строгим критериям и не вызывала сомнений. Такой классификации не существует. Социальные науки пренебрегают этой кардинальной проблемой и делают акцент на процесс развития, а не на стадию развития или состояния социума. На этой основе возникли разные варианты теории модернизации. Их суть сводится к описанию и рецептам преодоления экономической, социальной, технологической, политической, управленческой, инфраструктурной и прочей «отсталости». В широком смысле слова субъектом и объектом модернизации можно полагать весь мир и любую его часть – цивилизацию, общество, государство, регион, сектор экономики и т.п. Сфера произвола при этом становится безграничной.

Следующая процедура – количественное изображение постулированных субъектов (объектов) сравнения. Это невозможно без принятия некоего «образца» развития, без которого «доганяющие» процессы имели бы хаотический и не поддающийся осмыслению характер. Таким «образцом» в Новое время по опре-

делению может быть только Западная Европа (а с XIX в. Западная Европа вместе с Северной Америкой) и возникшая в ней концепция прогресса. Она выполняет функцию главного идеологического ядра всех теорий модернизации. Согласно такой посылке, модернизационные процессы обычно отождествляются с вестернизацией.

Однако в истории европейской мысли «линейная» модель развития, содержащая прогрессивный и регрессивный вариант, не является единственной моделью социальных трансформаций. Существуют также «точечная» модель, модели «круговорота», «спирали», «высокого уровня порядка». Однако мне неизвестна такая теория модернизации, которая бы описывала социальные и исторические процессы одновременно как неизменные, изменяющиеся в рамках замкнутой кривой, повторяющиеся во времени, уникальные и неповторимые, повторяющиеся с определенной регулярностью по принципу подобия, но неидентичные, и наконец – как не поддающиеся определению, в связи с чем любой образ социальных событий и процессов всегда будет более-менее ложным и субъективным.

Тем более это относится к отражению истории России. Она обычно описывается как совокупность внешних и внутренних факторов, из которых фактор отставания от Европы считается главным на протяжении последних пятисот лет российской истории. Поэтому использование универсалистской схемы модернизации в отношении к России легитимизирует усилия русской власти преодолеть отставание, а также теоретические попытки представить данные усилия как единственно возможные при данных обстоятельствах. В результате возникает ряд более-менее «мудрых» правителей и еще более «мудрых» теоретических холуев...

Можно ли вообще рассматривать реформы Петра I, территориальные захваты при Екатерине II и Александре I, реформы Александра II, развитие капитализма на рубеже XIX-XX вв., все три русские революции начала века, советскую индустриализацию и коллективизацию, «перестройку» 1985-1991 гг. и современные процессы в России как попытки «модернизации», которые осуществлялись ее властителями - царями, вождями, генеральными секретарями и президентами? Можно, если модернизация отождествляется с укреплением власти. Власть - главный внутренний и внешний фактор и одновременно - непреодоленное зло всей российской истории. Поэтому эволюция российского государства представляет собой картину запоздалых и не отвечающих потребностям времени реформ, порождающих политическую нестабильность [5]. Однако мне неизвестна такая история России, которая описывала бы происходящие в ней социальные процессы на основе исключения властно-политического фактора, включая процессы «модернизации».

Итак, теория модернизации не может быть средством выработки познавательной, эстетической, моральной и политической дистанции в отношении истории и любого этапа динамики досоветской, советской, постсоветской России.

Ее руководство не собиралось перенимать западные экономические, социальные и политические институты, если это противоречило его интересам. Наоборот, советское правительство поставило цель полностью уничтожить социальные корни данных институтов в России и показать всему миру возможность совершенно иного пути развития, в котором роль «образца» выполняло бы оно само. Согласно такой логике, советская система не есть разновидность общего процесса модернизации, а качественно новая линия развития человечества. Главная проблема в том, что все попытки замены «образцов» ставят под сомнение саму идею развития на основе «внешних образцов», но не позволяют выйти за пределы альтернативы «самостоятельность - заимствование внешних образцов развития».

В настоящее время стало ясно, что СССР не смог занять место США. Намного менее учитывается, что в период распространения теории модернизации большинство стран третьего мира обратилось в сторону капитализма (несмотря на антикапиталистическую риторику), а не социализма. Эти страны использовали социалистическую альтернативу как противовес, позволяющий проводить политику эгоцентрического балансирования между двумя блоками и тоже ничего принципиально не менять, если это противоречит интересам властно-политических аппаратов и духовно-идеологических групп. Ирония истории в том, что Россия (преемник СССР) и другие государства СНГ сегодня переместились в ряд развивающихся стран.

Теории модернизации были подвергнуты критике многими западными учеными еще в 1960-1970-е гг. Но эти теории в настоящее время распространены в странах бывшего советского блока для легитимизации власти, и переплетены с отечественными и зарубежными теориями цивилизации, конвергенции, мир-системной теорией, глобалистикой, регионалистикой и пр. [7]. В результате увеличилось число идеологических гибридов, популярных на интеллектуальном и политическом рынке России.

Таким образом, главная цель журнала – полемика с автохтонными и закордонными идеологическими гибридами. Обнаружить их ложность и показать многообразные социально-политические следствия лжи в институциональной и когнитивной сфере – первейшая задача. Остальные будут уточняться по мере становления авторского и читательского актива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биллингтон Д.* Икона и топор. М., 2001.
2. *Биллингтон Д.* Россия в поисках себя. М., 2005.
3. *Брумберг А.* Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып.2. Под ред. Т.А.Заславской. М., 1995.

4. *Быстрова И.В.* Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // Отечественная история. 2004, № 2.
5. *Власть и реформы: от самодержавия к Советской России.* СПб, 1996.
6. *Гольц А.* Армия России: 11 потерянных лет. М., 2004.
7. *Игрицкий Ю.И.* Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998. № 1.
8. *Крыштановская О.* Возвращение номенклатуры. Предисловие и изданию 2005 года // Восленский М. Номенклатура. М., 2005.
9. *Куприянов А.И.* Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996. № 4.
10. *Макаренко В.П.* Власть и легитимность // Россия – США: опыт политического развития. Ростов-на-Дону, 1993.
11. *Макаренко В.П.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., 2000.
12. *Малия М.* Из-под глыб, но что?.. История западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
13. *Малия М.* Советская трагедия. История социализма в России. М., 2003.
14. *Хеллер Д.* Поправка 22. М., 1992.
15. *Ясперс К.* Вопрос виновности // Знамя. 1994. № 1.